

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЕДЫ К ЮБИЛЕЮ МИЦКЕВИЧА

Какими достижениями ознаменовало польское языкознание юбилей Мицкевича?

Вопросам языка и стиля произведений Мицкевича было посвящено значительное число докладов, представленных на юбилейной сессии историков литературы и языка (сессия была организована Польской Академией наук и проходила в период с 5 по 8 декабря 1956 г. в Варшаве). Часть из этих докладов напечатана, другие известны нам только по информации польской печати¹.

Работы, подготовленные к последнему юбилею Мицкевича², ставят кардинальные вопросы, связанные с языком его произведений. В большей части этих работ использованы новые материалы картотеки готовящегося к печати словаря Мицкевича³.

¹ См. доклад З. Клеменсевича «Польское языкознание перед лицом научных задач юбилейного года Мицкевича» (Z. Klemensiewicz, *Językoznawstwo polskie wobec naukowych zadań Roku Mickiewiczowskiego*), прочитанный им на Международной сессии Польской Академии наук в апреле 1956 г., посвященной юбилею Мицкевича (доклад этот напечатан на правах рукописи); см. также информационную статью С. Урбанчика «Сессия историков литературы и языка, посвященная Мицкевичу» (St. Urbanik, *Sesja Mickiewiczowska historyków literatury i języka*, «Język polski» 1955, zesz. 5).

² Библиографию ранее вышедших исследований см. в статье: A. Siudut, *Bibliografia artykułów dotyczących języka Mickiewicza drukowanych w Języku Polskim*, t.I—XXXIV, «Język polski», 1955, zesz. 5.

³ Об истории возникновения Словаря Мицкевича см.: K. Górski, *Słownik Mickiewiczowski*, «Nowa Kultura» (Warszawa) 20 III 55; его же, *Z warsztatu słownika Mickiewiczowskiego* (*dąsać się; dodać; doławić się*), «Język polski», 1954, zesz. 5; его же, *O słowniku Mickiewiczowskim*, «Twórczość», 1955, № 11; M. R. Mayenowa, *Czemu służy słownik Mickiewicza?*, «życie literackie» (Kraków—Stalinogród) 27 XI 55.

Проект инструкции к сборанию материалов для Словаря Мицкевича объединял установки двух инициаторов Словаря — С. Грабега и К. Гурского. Обсуждение проекта состоялось на общем заседании историко-литературной и языковой комиссии Польской Академии наук 15 февраля 1947 г. Инструкция была позднее напечатана в органе Польской Академии наук «Sprawozdania PAU» (t. XLVIII, 1947, № 2). При обсуждении вопроса о принципах подачи материала выявились две различные концепции. Большинство выступавших (Т. Лер-Силавинский, К. Нитш, Я. Сафаревич и др.) указывали, что в Словаре должны быть свое отражение все случаи употребления данного слова поэтом (в форме полных цитат или указания мест, в которых эти слова выступают). Сторонники другой точки зрения предлагали давать только самые характерные цитаты без указания пропущенных мест. Организованная работа по сбору лексического материала для Словаря началась с января 1950 г. В течение четырех лет был собран в основном материал по всем поэтическим и прозаическим произведениям Мицкевича, а также по его автографам. В 1954 г., ввиду перехода С. Грабега на кафедру польского языка в Лодзи, часть работ была перенесена в этот город, тогда как раньше все работы сосредоточивались в Торуне. Вся картотека Словаря по-прежнему находится в Торуне. В начале 1956 г. появился первый выпуск Словаря, содержащий вступление и обработку буквы А. Полное издание всех выпусков займет, вероятно, лет 10.

Словарь помещает слова со всеми цитатами, в которых они употреблены, даже если в печатных текстах и автографах они перечеркнуты или опущены в окончательной редакции. Количество цитат ограничивается только в отношении служебных слов (вспомогательный глагол *być*, союзы и предлоги). Объяснение значения слова дается только тогда, когда оно расходится с его современным употреблением. Объяснения даются в форме определений, а еще чаще — в форме синонимов из современного польского языка. Словарь дает все слова, встречающиеся в так называемых авторизованных изданиях, т. е. изданиях, печатавшихся при жизни

Предваряющий остальные доклады доклад С. Урбанчика «Польское языкознание первой половины XIX в.» (точнее, 1800 — 1863 гг.) (St. Urbańczyk, *Językoznawstwo polskie 1. połowy XIX wieku*), по свидетельству З. Клеменевича, затрагивает важные и до сих пор еще не разработанные вопросы, связанные с начальным периодом развития польской лингвистики в качестве самостоятельной науки.

Вторым докладом общего характера был доклад З. Клеменевича «Мицкевич в истории польского языка» (Z. Klemensiewicz, *Mickiewicz w dziejach języka polskiego*), в настоящее время опубликованный в виде статьи (см. ниже, стр. 152). Этот доклад характеризует роль Мицкевича в развитии польского литературного языка. Творчество Мицкевича впервые связывается с потребностями демократизации польского литературного языка, который обогащается не свойственными ему ранее разговорными и региональными элементами и получает широкое распространение среди различных общественных групп. Постоянный интерес к вопросам языка и языкознания, сказал докладчик, и прогрессивная позиция в отношении языковой жизни своей эпохи помогли Мицкевичу выполнить стоявшие перед ним задачи.

Ценность выводов ученого в том, что он отошел от ранее высказывавшегося положения, согласно которому роль Мицкевича в развитии польского литературного языка была незначительной¹. З. Клеменевич правильно считает, что роль Мицкевича нельзя оценивать по количеству и качеству сохранившихся в литературном языке грамматических или словарных особенностей, присущих его индивидуальному языку. Она определяется тем, что Мицкевич понял, почувствовал языковые потребности своего времени и открыл путь сознательному усвоению элементов разговорной речи широких масс.

Третьим наиболее широким по затрагиваемым вопросам докладом был доклад М. Р. Майеновой «Мицкевич и стилистические традиции» (M. R. Maýenowa, *Mickiewicz a tradycje stylistyczne*), также появившийся уже в печати². Автор устанавливает существование в польском литературном языке первой четверти XIX в. двух стилистических образов (как называет их автор, «моделей») — классического и романтического, тесно связанных с литературными вкусами, а опосредствованно — с идейными позициями их представителей и защитников. Мицкевич, говорит Майенова, не был представителем ни той, ни другой группы. От романтической группы его отделяет присущий ей пуризм, вынуждающий заменять искусственными неологизмами уже укрепившиеся в языке слова иностранного происхождения. Как доказывает автор, манера письма у Мицкевича больше всего приближалась к той разновидности «романтической модели», которую представляла стилистика И. Лелевеля, боронившего с книжным стилем и защищавшего права элементов разговорной речи в пределах литературного языка. Сравнительный анализ поэзии и прозы Мицкевича показывает, что именно в поэзии язык его наиболее сближается с разговорным языком.

Интересный вопрос поднимает Т. Скубалька в своем докладе «Языковые новообразования Мицкевича в их отношении к теории и практике просвещения и романтизма» (T. Skubalanka, *Nowotwory Mickiewicza wobec teorii i praktyki oświecenia i romantyzmu*). В докладе показано, что Мицкевич создает неологизмы только в исключительных случаях и что во всем его творчестве они составляют незначительный слой (примерно 120 слов, из которых более 36% — шуточные новообразования). Неологизмы предпочитают их общепринятым соответствиям в тех случаях, когда они имеют особую стилистическую окраску. Некоторые неологизмы, не имеющие польских соответствий, выступают как сокращения слишком длинных фразеологических групп или как названия новых понятий, или, наконец, как стилистические украшения. Выводы автора, основанные на анализе конкретного языкового материала, собранного в картотеке словаря Мицкевича, подтверждают правильность положения З. Клеменевича о том, что языковое новаторство Мицкевича состояло не в создании новых слов, новаторской была сама его языковая позиция, претворяемая им в творчестве.

Работой, которая также могла быть создана только на материале картотеки Словаря Мицкевича, является доклад Э. Пепловского «Словарь и фразеология

поэта. Если между этими изданиями есть расхождения, Словарь дает и тот и другой вариант, не решая вопроса об их правильности или ошибочности.

Уже начальная фаза работы над Словарем Мицкевича открыла большие возможности для точного определения семантики употребляемых Мицкевичем слов и для установления правильного текста его произведений.

¹ Ср., например, вывод К. Нитша: «ни на повседневном, ни на литературном языке второй половины XIX и начала XX века не отразился в значительной степени ни грамматическая, ни словарная сторона языка Мицкевича» [K. Nitsch, *Z zagadnień języka Mickiewicza, «Język polski»*, 1934, zesz. 5, стр. 138. Статья перепечатана в сб. «Kazimierz Nitsch. Wybór pism polonistycznych», t. I (Wrocław, 1954)].

² M. R. Maýenowa, *Mickiewicz a tradycje stylistyczne, «Pamiętnik literacki»*, roczn. XLVII, zesz. specjalny — w setną rocznicę zgonu Adama Mickiewicza, Warszawa — Wrocław, 1956, стр. 269—316.

публицистики Мицкевича» (E. Peplowski, Słownictwo i frazeologia w publicystyce Mickiewicza). Анализ показывает, что общественно-политическая лексика и фразеология, употребляемая Мицкевичем, была свойственна и языку современной ему публицистики; она восходит к эпохе просвещения, а часто даже к XVI в. Новых слов, как правило, Мицкевич не создает, но заимствует слова из других языков или меняет значение существующих слов, а также переносит в политическую сферу слова и обороты религиозных жанров. Однако архаизмов в языке публицистики Мицкевича не наблюдается. Из двух синонимических элементов, различающихся возрастом, Мицкевич выбирает более новый, и в этом главное отличие его публицистического словаря от словаря эпохи просвещения.

Три доклада на сессии были посвящены языку поэмы «Пан Тадеуш». Из них два принадлежат Г. Турско-й. В докладе «Языковые провинциализмы „Пана Тадеуша“» (H. Turska, Prowinccjonalizmy językowe Pana Tadeusza) показано, что провинциализмы употребляются автором безотносительно к содержанию текста и могут быть вложены в уста любого персонажа поэмы, т. е. что они не несут никакой стилистической функции и являются естественной составной частью языка поэта. Второй доклад Г. Турской «Словарь описаний природы в „Пане Тадеуше“ в его отношении к традициям просвещения и псевдоклассицизма» (Słownictwo opis w przyrodę w Panu Tadeuszu wobec tradycji oświecenia i pseudoklasycyzmu) также содержит интересные выводы. Анализ показывает, что в поэме нет новообразований, мало введенных самим Мицкевичем архаизмов, заимствований и провинциализмов. Используя синонимы, поэт не выходит за границы синонимии разговорного языка или его провинциальных разновидностей. Он избегает метафор, нарушающих однозначность и выразительность высказывания. По выражению З. Клеменевича, незаурядное искусство соединения этих очень заурядных лексических элементов создает очарование образов природы великой эпопеи.

Авторы доклада «Работа Мицкевича над языком „Пана Тадеуша“ по показаниям автографов» (H. Cieślakowa, H. Miś i T. Skubalanka, Praca Mickiewicza nad językiem Pana Tadeusza na podstawie autografów) молодые языковеды Г. Теслякова, Г. Миши и Т. Скубаль-ника исследуют внесенные Мицкевичем в поэму изменения и поправки, касающиеся отдельных слов, фразеологии и синтаксиса. Эти поправки носят в основном стилистический характер и объясняются свойственным поэту стремлением к однозначности и точности высказывания.

Несколько по-иному подошел к подобной проблеме С. Грабец в докладе «Расхождения в языке рукописных и печатных текстов Мицкевича» (St. Hrabec, Różnice językowe między rękopisami a drukami Mickiewiczowskimi). Он исследует расхождения 10 автографов и соответствующих печатных изданий (среди них «Дядя», ч. III, «Пан Тадеуш», «О варшавских критиках и рецензентах»). Сравнение показало, что опубликованные варианты больше соответствуют литературным нормам. Особенно показательна в этом отношении фонетика Мицкевича, в которой было больше всего отклонений от общепольской нормы. Часть расхождений автографа и печатных изданий в области флексий объясняется тем, что единая система флексий еще не установилась в литературном языке того времени. В печатном экземпляре исчезают лексические архаизмы и провинциализмы, лишенные стилистической ценности.

М. Длуская изложила в докладе «Мицкевич и традиции польского стихосложения» (M. Dłuska, Mickiewicz a polskie tradycje wersyfikacyjne) результаты своих версификационных исследований, первая часть которых под заглавием «О версификации Мицкевича» появилась в печати в 1955 г.¹, а вторая печатается в настоящее время. В стихосложении Мицкевича автор различает два этапа: ранний этап — стремление к псевдоклассическому совершенству и поздний этап, знаменующий переходом от псевдоклассической манерности к естественному способу высказывания и наименьшему количеству застывших ритмических единиц. В исследовании М. Длуской польская наука впервые получила очерк истории польского свободного стиха.

В работах, подготовленных к декабрьской сессии, выяснены многие важные проблемы, связанные с ролью Мицкевича в истории польского литературного языка; вместе с тем определены и новые задачи, ожидающие своего разрешения.

*

Юбилею Мицкевича посвящены и два специальных выпуска научных польских журналов — № 5 журнала «Польский язык» за 1955 г.² и специальный выпуск журнала «Литературные записки» за 1956 г.³.

¹ M. Dłuska, O wersyfikacji Mickiewicza. (Próba syntezy), [Warszawa], 1955.

² «Język polski», 1955, zes. 5.

³ «Pamiętnik literacki», roczn. XLVII, zes. specjalny — w setną rocznicę zgonu Adama Mickiewicza.

Юбилейный номер журнала «Польский язык» открывается статьей З. К л е м е н с е в и ч а «Какую роль и благодаря чему сыграл Мицкевич в развитии польского языка», представляющей собой печатный вариант доклада, прочитанного на декабрьской сессии (Z. Klemensiewicz, *Jaką rolę i dzięki czemu odegrał Mickiewicz w rozwoju języka polskiego*, стр. 322—333).

Второй наиболее значительной статьей этого номера является статья З. К а в ы н - К у ж о в о й «Язык группы филоматов» (Z. Kawyn-Kurkowa, *Język grupy filomatów*, стр. 333—360). Как известно, группа филоматов сыграла большую роль в формировании раннего творчества Мицкевича. Демократическими настроениями филоматов определялся их интерес к белорусскому языку и фольклору. Их поэтическая программа требовала широкого использования белорусских элементов в языке польской поэзии. Автор исследует особенности языка филоматов, проявляющиеся в фонетике, словообразовании, словоизменении и синтаксисе. Он отмечает черты виленских диалектизмов и белорусизмов в языке филоматов. Характерное для филоматов свободное создание неологизмов ярче всего проявляется в их словаре, где вместе с тем наиболее заметны и архаические элементы. Большая продуктивность некоторых словообразовательных морфем, тенденции к употреблению слов в иных значениях, чем в общелитературном языке, и явная склонность к созданию новых слов свидетельствуют, по мнению автора, о своеобразии языка филоматов.

Сравнение выводов этой интересной статьи с результатами других исследований, посвященных языку самого поэта, ясно показывает, что в области лексики он не продолжает линию филоматов на создание специального языка, насыщенного неологизмами, а пользуется средствами общелитературного языка (ср. выводы работ Т. Скубаляки, З. Клемениевича).

Вторая статья З. К л е м е н с е в и ч а в том же номере журнала «Характерная синтаксическая конструкция «Пана Тадеуша»» (Z. Klemensiewicz, *Znamienna struktura syntaktyczna Pana Tadeusza*, стр. 364—371) интересна своим тонким анализом, в котором синтаксическая и версификационная форма связывается с жанровой и стилистической принадлежностью текста. Исследователь, специализируясь по польскому синтаксису, обращает внимание на часто встречающуюся в произведении синтаксическую конструкцию, которую он называет внутренне связанным высказыванием (*wypowiedzenie wewnętrznie powiązane*), в отличие от обычного предложения или законченных предложений, стоящих рядом в контексте. Как образец такой конструкции автор рассматривает известное пластическое изображение подкомория, ведущего полонез, в XII книге поэмы. Для «внутренне связанного высказывания» характерно наличие между его отрезками цезуры, более сильной, чем между отрезками сложного высказывания. Ее образуют более длинные паузы и более сильное падение интонации. Графическим показателем такой цезуры является чаще всего точка с запятой, может быть двоеточие, иногда тире или многоточие; они указывают на паузу, более долгую, чем краткая, обозначаемая запятой, и более краткую, чем долгая, обозначаемая точкой. Подобное построение изданна встречается в польских поэтических произведениях: в работе приводятся примеры из Я. Кохановского, Рея, П. Кохановского, Красницкого, Трембюцкого. Мицкевич использует традиционную синтаксическую конструкцией, но он не только употребляет ее значительно чаще, чем предшественники, но распространяет, усложняет ее в отношении числа отрезков и размера составляющих высказываний. Употребление Мицкевичем структуры «внутренне связанного высказывания» способствует, по мнению автора, созданию большей монолитности строфы и сближает синтаксис «Пана Тадеуша» с синтаксисом разговорной речи.

В номере помещено и несколько небольших статей, посвященных употреблению отдельных слов у Мицкевича.

Статья С. Г р а б е ц а (St. Hrabec, *Bursztynowy świerzop w Panu Tadeuszu*, стр. 373—381) представляет собой попытку истолковать значение употребленного в «Пане Тадеуше» выражения *bursztynowy świerzop*.

Статья Ф. С л а в с к о г о «Об одном русизме, введенном в литературный язык Мицкевичем» (Fr. Ślawnski, *O jednym z rusycyzmów wprowadzonych do języka literackiego przez Mickiewicza*, стр. 371—373) посвящена слову *ryży* «рыжий», которое не только вошло в литературный язык, но и проникло в язык народа. Автор считает, что источником этого восточнославянизма у Мицкевича является белорусский язык.

Статья К. Г у р с к о г о «Мачтовые перья Птицы-Горы» (K. Górski, *Masztowe pióra Ptaka-Góry*, стр. 360—362) толкует выражение *masztowe pióra*, употребленное в одном из «Крымских сонетов» Мицкевича («Гора Кикинеиз»). Автор считает, что это выражение следует понимать как «рулевые перья хвоста», и высказывает предположение, что такое употребление существовало в древнепольской фразеологии.

В статье того же автора «Текстологические исправления» («Poprawki tekstologiczne: 2. *Żagarki czy pagurki*», стр. 362—364) речь идет о прочтении одного слова в автографе поэмы «Гражины». Гурский доказывает, что его надо читать как *pagurki* «холмы», а не как *żagarki* «кусты».

Кроме упомянутых статей, в журнале помещена рецензия А. С ю д у т а на

статьи К. Гурского и Ю. Трыпуцько [A. Siudut, Z badań nad językiem Mickiewicza (K. Górski, J. Trypućko), стр. 385—389]. В одной из рецензируемых А. Сюдutom статей К. Гурского «Архаизмы Мицкевича» выясняются объем и роль языковых архаизмов в произведениях поэта. К. Гурский приходит к выводу, что употребление архаизмов Мицкевичем лишь в малой степени диктуется стилистическими соображениями и обычно отражает языковую традицию его родных сторон (т. е. Виленщины). Определенную роль сыграло здесь и влияние литературной программы Бродзинского и Боровского, призывавших искать «дух польской поэзии» именно у писателей «золотого века». Давая общую высокую оценку статье, А. Сюдut выражает сожаление, что автор не разграничил архаизмов с точки зрения современного языка и с точки зрения эпохи Мицкевича. Кроме того, рецензент замечает, что следовало бы отделить архаизмы, которые являются следствием влияния белорусского языка, от тех, которые вошли в язык поэта из старопольской литературы и были отражением его художественных симпатий.

Рецензент откликнулся еще на одну статью того же автора «Проблема исправления текстов Мицкевича», в которой К. Гурский показывает возможности правильного прочтения многих мест в произведениях Мицкевича.

С замечаниями К. Гурского перекликается содержание упомянутой статьи Ю. Трыпуцько «Какого Мицкевича мы знаем? Несколько замечаний языковеда об отношении автографов Мицкевича к его печатным изданиям».

В заключение в рассматриваемом номере журнала дается библиография статей, касающихся языка Мицкевича и помещенных в журнале с I по XXXIV ежегодник включительно (см. ссылку на стр. 149).

Посвященный юбилею Мицкевича специальный выпуск журнала «Литературные записки» содержит, кроме статьи Р. Майеновой «Мицкевич и стилистические традиции» (см. выше, стр. 150), две языковедческие статьи.

В статье З. Докурно «О принадлежащих Мицкевичу переводах из Байрона» (Z. Dokurno, O Mickiewiczowskich przekładach z Byrona, стр. 317—348) рассматриваются переводы из Байрона, сделанные Мицкевичем в разные периоды его творчества. Как образец для каждого из периодов З. Докурно избирает произведения Байрона «Темнота», «Сон» и «Гяур». С точки зрения близости перевода к оригиналу автор делит переводы отдельных предложений на три основные группы: 1) дословный перевод — верно-передающий мысль «теми же словами», 2) приближенный перевод — верно-передающий мысль «другими словами», 3) «модифицирующий» перевод — меняющий мысль оригинала. З. Докурно сравнивает общее количество слов оригинала и перевода (учитывая при этом различия грамматического строя двух языков) и количество использованных лексических единиц (в каждом из текстов). Отдельно сравнивается количество употребленных существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Подвергнув такому анализу оригинал и перевод каждого из выбранных произведений и определив причины расхождений текстов перевода и оригинала, исследователь приходит к интересным выводам о методах переводческой работы Мицкевича.

В третьей языковедческой работе «Сборника» — статье К. Будзька «Рифма — чудовище: *osie — stało się*» (K. Budzyk, Rym-upiór: *osie-stało się*, стр. 261—268) — речь идет о рифмах типа *osie — stało się*; эта рифма трижды встречается в «Пане Тадеуше». Необычность рифмы в том, что возвратная форма *stało się* должна произноситься здесь с ударением на втором слоге от конца, а не на третьем (как того требуют нормы литературного языка). К. Будзык дает кратко историю вопроса о возможном происхождении подобного ударения и полемизирует с Г. Турской, которая в 1951 г. выступила с утверждением, что ударение такого типа является архаизмом, удержавшимся на периферии. К. Будзык полагает, что подобное явление следует объяснять исходя из особой стилистической окрашенности встречающихся в «Пане Тадеуше» примеров. Они носят характер восклицаний, чем объясняется их своеобразная акцентуация.

Обзор польских работ, посвященных языку Мицкевича, показывает, что за последние годы языковедами демократической Польши сделано очень много для решения кардинальных вопросов, связанных с языком Мицкевича. Можно не сомневаться, что подобная работа будет осуществляться и в дальнейшем.

Я. В. Мацюсович

¹ K. Górski, Zagadnienie emendacji tekstów Mickiewicza, «Pamiętnik literacki», roczn. XLV, zesz. 3, 1954; его же, Staropolszczyzna Mickiewicza, там же, roczn. XLVI, zesz. 1, 1955; J. Trypućko, Jakiego Mickiewicza znamy? Kilka uwag językoznawcy o stosunku Mickiewiczowskich autografów do drukowanych wydań, «Scando-Slavica», t. I, 1954.